4. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1996.

5. Церенова Ж.Н. Родственность // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2009. С. 149–158.

Kinship relationship norms in Kalmyk proverbs

There are regarded the kinship relationship norms in Kalmyk linguistic mentality as expressed in proverbs. There are characterized the family relationship nuances, gender stereotypes and some behavioral customs determined by traditional patrilinear kinship organization.

Key words: *kinship relationship, Kalmyk linguistic mentality, values, behavioral norms, proverbs.*

Е.В. НИКУЛЬШИНА
(Волгоград)

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЗМА РОМАНА Р.М. ЗОТОВА «ДВА БРАТА, или МОСКВА В 1812 году»

Раскрываются особенности художественного историзма романа Р.М. Зотова. Делается вывод о том, что для произведения характерны сочетание историзма и авантюрности, стремление к формированию и воспитанию массовой читательской аудитории.

Ключевые слова: *историческая беллетристика, историзм, авантюрно-исторический роман.*

Творчество Рафаила Михайловича Зотова (1796–1871) представляет собой особую страницу в развитии русской исторической беллетристики. Писатель одним из первых проложил так называемую авантюрную линию исторического романа. Его перу принадлежит целый ряд исторических произведений, сюжеты которых автор преимущественно черпал из эпохи Отечественной войны и сопровождавших ее событий. Конечно, романистика Р.М. Зотова уступает по своему художественному уровню произведениям М.Н. Загоскина и И.И. Лажечникова, но, тем не менее, она вызывала большой читательский интерес и пользовалась не меньшей популярностью.

Так, роман «Два брата, или Москва в 1812 году» (1850) выдержал четыре переиздания. Важной чертой поэтики беллетриста является сочетание черт исторического и приключенческого начал, что дает основание определить данное произведение как авантюрно-исторический роман. Обе эти линии органически сочетаются, поскольку общим для них и принципиально важным оказывается специфическое отношение к фактору времени, который играет существенную и сущностную роль на всех уровнях организации текста [2]. Исторический фон авантюрного романа не только хронологически конкретизирует контекст, в который вписываются приключения персонажей, но и несет определенный элемент экзотики, предполагающий преодоление, а иногда и преображение будничной повседневности. Более того, как ни парадоксально, но именно история становится механизмом, обеспечивающим функционирование приключенческого повествования, посредником между героем-авантюристом и имплицитным читателем. Однако она же отодвигается на второй план, т.к. читательское внимание направлено в первую очередь на развитие сюжетно-фабульной линии, погружено в атмосферу напряженного ожидания развязки. Есть и еще один момент, указывающий на «вторичность» исторических описаний. Сам по себе жанр исторического романа, разумеется, самодостаточен, он имеет свою направленность, собственные художественные задачи (как и приключенческий). Однако в нашем случае история, как отмечалось, попадает в несколько двусмысленную ситуацию: конечно, она интересна романисту уникальностью материала, способного увлечь читателя, но вместе с тем, поскольку реальные события иногда оказываются менее занимательны, чем вымышленные (что зависит от степени авторского воображения и фантазии), то правда действительности уступает место вымыслу, реализованному в художественном мире романа.

Представление о значении временного фактора в произведении, а также о принципе соотношения исторического и авантюрного дает анализ маркеров времени, рассыпанных в тексте (например, хронологическая привязка события с указанием даты). Роман Р.М. Зотова и начинается с обозначения времени и места (*Между Москвой и Владимиром, лет 50 тому*

© Никульшина Е.В., 2012

назад, не помню, близ какой станции). Нетрудно заметить, что маркеры времени и пространства, поставленные в начало повествования, обнаруживают своего рода неопределенность сочетанием точности и неточности, придавая тексту некоторую недосказанность, загадочность и способствуя созданию обстановки таинственности, свойственной хронотопу именно приключенческого романа.

Описанию собственно исторических событий (приближение французов к Москве, Бородинская битва, действия московского ополчения, взятие Парижа весной 1813 г.), а также реальным личностям (граф Ростопчин, Наполеон, Кутузов) Зотов отводит немного места. Тем не менее имевшие место факты не просто иллюстрируют замысел автора, выполняя роль исторической декорации, но и подвергаются анализу: «Конечно, теперь мы, – пишет автор, – как доктор Панглос, можем уверять, что *все к лучшему*, что без войны 1812 года Наполеон мало-помалу достиг бы решительного диктаторства над Европою, что война эта и последствия ее поставили Россию на первую степень величия, что пожар Москвы спас Россию и Европу и что даже самый город очень много выиграл от этого пожара, сделавшись теперь великолепнее и правильнее, – но оптимизм в истории хорош для потомков, а не для современников» [3, с. 397].

Можно говорить и о своеобразии сюжетосложения в романе «Два брата…», поскольку фабульно-событийные мотивы, соотносящиеся с характерными параметрами исторической романистики и приключенческого жанра, связаны также с элементами любовного повествования (мотивы тайны, мести, дороги, встречи, преграды, судьбы) и даже романа воспитания. Сюжет строится не на освещении исторических событий, хотя без упоминания о них обойтись невозможно, а на изображении перипетий судьбы главного героя, Саши Зембина, насыщенной неординарными происшествиями – частью бурными, частью пикантными. Так, одной из движущих сюжетных линий является тайна рождения Саши. Автор явно использует фольклорный мотив вражды двух братьев. Старший, Иван Зембин, завидует удачливости младшего Григория, испытывает к нему ненависть, хотя тот неприязнью не отвечает. «Мои товарищи по службе, – рассказывает Григорий Зембин, – уверяют меня, что будто бы ему (Ивану. – *Е.Н.*) страх досадно мое внезапное повышение. В самом деле, с чего взял Громин взять *меня* (выделено автором. – *Е.Н.*) к себе в адъютанты, а не брата? Он лучше меня и службу знает и письменные дела <…> Мне грустно, когда общие наши приятели подсмеиваются над нами. Бедный брат! Мне жаль тебя! Свет к тебе несправедлив. Ты гораздо лучше меня» (Там же, с. 491, 493).

Автор использует несколько расхожих сюжетных ходов. Григорий Зембин влюбляется в невесту своего брата, Вера Зорова отвечает ему взаимностью, и они получают согласие родителей девушки на брак; счастливый избранник участвует в русско-турецкой войне, попадает в плен, его считают погибшим; одна из невольниц помогает герою бежать, он возвращается домой, но находит свою Верочку женой другого – своего брата; родившийся у четы Зембиных ребенок становится причиной окончательного разрыва всяких отношений между близкими людьми. Далее в романе представлена сказочная конфликтная модель отношений «отчим (ложный) – пасынок», правда, речь идет не о конкуренции в наследовании, а о нежелании признавать своим «чужого» ребенка. Заподозрив жену в измене, старший Зембин избавляется от сына, отдает его на воспитание Григорию. Тот отказывается от состояния, карьеры, друзей, покидает свет, покупает «красивый павильон с маленьким бельведером» в густом лесу и занимается воспитанием племянника. Так реализуется еще один фольклорный мотив – сына, посланного в лес. В сказке увод детей в лес всегда есть акт враждебный, хотя в дальнейшем для изгнанника или уведенного дело оборачивается благополучно. В.Я. Пропп объясняет этот мотив ситуацией инициации, ссылаясь на то, что мальчиков в лес уводит мужчина, но никогда – женщина [6]. Так и у Зотова: можно сказать, что на долю его персонажа выпадает инициация социокультурная. И действительно, Саше Зембину предстоит путь от неприятия военной службы и страха за свою жизнь до геройства и истинного патриотизма; в финале отец и сын примирятся и, дойдя с русскими войсками до Парижа, погибнут от ран во время взятия города, в объятиях друг друга.

Как мы видим, граница между исторической и частной жизнью размыта, писатель осознает необходимость создания однородного художественного пространства при сохранении автономности отдельных элементов. Историческое событие, вторгающееся в действие, резко меняет героя. Актуализируется и становится значимым не только действие героя, но и окружающий мир. Сам фон событий превращается в ту среду, которая активно формирует человеческую судьбу. Все это свиде-

тельствует о том, что принцип художественного историзма в романе Зотова нашел достаточно последовательное выражение, т. к. тесная взаимосвязь всех сфер человеческой жизни позволяет показать частные события на широком эпическом фоне, «укоренить» их во времени.

Однако интерес писателя сосредоточен не на социальных обстоятельствах, а на фундаментальных моральных ценностях. Эстетика Зотова уходит корнями в романтизм, а романтизму с его максимализмом мало интересен социально-исторический детерминизм, поскольку он ищет не социальную, т. е. по-своему относительную, а абсолютную правду, абсолютный нравственный смысл поступка, «вечную» основу человеческой деятельности. И все же жизнь «неисторических», «частных» героев сопрягается Зотовым с событиями драматическими, судьбоносными для страны. Это камертон, который придает поступкам героев общественное измерение. Честь – не только чувство собственного достоинства, но и верность клятве, воинскому долгу, святыням Отечества, своей земле, своему роду.

Выше отмечалось, что произведению Р.М. Зотова свойственны черты романа воспитания: категория изменяющегося героя, дидактизм авторской позиции, реализация героя в процессе «заданной» программы, изображение процесса воспитания, поучительность финала, наличие второстепенных персонажей в роли воспитателей по отношению к главному и т.п. «С особенным вниманием слушал Саша <…> – слова старосты глубоко отозвались в его сердце. Он боялся войны, он бежал от нее, а простой крестьянин готов встретить врага рогатиною и при видимом бессилии предать пламени дом свой и все имущество!.. Слезы навернулись на глазах его. Неизвестное пламя охватило его, и он мысленно видел себя в военном наряде, бросающегося на толпы врагов, видел свою победу… Но вдруг взглянул на свое женское платье – и покраснел от стыда <…> Я, как негодяй, бежал и скрылся от своей священнейшей обязанности. <…> Вид этой пылающей деревни, это геройство простых крестьян, это нечаянное нападение мародеров, эта необходимость защищать свою и вашу свободу – все-все в одну минуту переродило меня» [3, с. 414, 425]. Таким образом, роман выполняет функции трансляции культурных ценностей, культурной коммуникации, функцию социокультурного контроля и социализации субъекта.

Творчество Р.М. Зотова было предметом постоянного внимания В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, однако исключительно как сочинителя «второго» плана, представителя массовой беллетристики. Белинский неоднократно и весьма ядовито обращал внимание читающей публики на то, что и в драмах, и в романах писателя отсутствует настоящий исторический дух, нет исторического колорита и иногда грубо нарушена фактическая достоверность событий. Критик, относившийся к Зотову неизменно отрицательно, постоянно подчеркивал, что его романы рассчитаны на мало и плохо образованных людей: «Вообще, то, что для нас составляет уродство в произведениях, подобных “Леониду”, – для полуграмотного народонаселения есть верх искусства» [1, с. 319].

С подобного рода суждениями трудно не согласиться. Кроме того, они поддерживаются напрашивающейся параллелью с весьма популярным в этот период В. Скоттом, высокочтимым в России. И действительно, произведения Скотта требовали для восприятия определенной подготовки, сформировавшегося представления о европейской истории, вкуса к историко-литературным размышлениям, привычки к чтению. Его романы воспринимались не только как приятное развлечение, но и как поучительное и полезное чтение. Полуграмотному читателю Скотт был не доступен. Зато этот читатель, по свидетельству Белинского, наслаждался произведениями Зотова: «Не полагаясь на свой вкус, мы давали читать роман г. Р. Зотова одному из людей, принадлежащих к тому кругу, в котором г. Р. Зотов увенчался таким блестящим успехом, – и что же? Говорит: “Какая хорошая книжка; нет ли у вас еще такой? Почитал бы…”» (Там же, с. 515). Словом, по мнению критика, читательский успех свидетельствовал не столько о таланте автора, сколько о доступности его произведений самому невзыскательному, мало-мальски грамотному человеку, ищущему в книге развлечения.

А между тем нелишне вспомнить, что сам Р.М. Зотов был человеком образованным (закончил престижную и единственную в ту пору Петербургскую гимназию, в 14 лет прекрасно владел немецким, французским и итальянским языками), поэтому ориентация его беллетристического дара на массового читателя была сознательным актом, и не таким уж бесполезным, как это представлялось его критикам. Массовую читательскую аудиторию нужно было формировать и воспитывать, что, кстати, хорошо понимал при всем своем нега-

тивизме Белинский: «Надо же и этому кругу читателей иметь свою библиотеку» [1, с. 514]. Думается, что эту задачу и пытался в первую очередь решить Зотов, что вполне закономерно.

Нельзя не согласиться с мнением Н.А. Литвиненко о том, что в романистике XIX в. сформировалась и отчасти закрепилась связь жанров с теми или иными пластами читателей и литературы: потенциал восприятия в этом случае основан на действии разных психологических, а не только эстетических моделей и типов восприятия [4]. В структуру исторического романа в качестве важного конститутивного признака входит феномен тайны в ее авантюрно-приключенческой жанровой семантике. Обращаясь к историческому материалу, писатели испытывали естественную потребность раскрыть тайный смысл некогда произошедших событий. И потому отношения между персонажами, определяющими логику тех или иных процессов развития, тоже разворачивались на проблемном уровне, с использованием элементов поэтики романтического – тайны и страшного, которыми так изобилуют история и жизнь. В романе Зотова, отыгрывающем «ролевой сценарий», важна изначально заложенная в нем парадигма восстановления нарушенного равновесия. Отсюда раскрытие подмены, обмана, замена кажущегося на сущее. Жанровое ожидание разгадки тайны, преступления, «исторического» или частного в момент разрешения конфликта содержит элемент трагедийного катарсиса, реализуемого писателем в соответствии с его художественными задачами и мерой таланта. В отсутствии последнего Р.М. Зотова упрекать некорректно. В 1836 г. вышли в свет его мемуары – «Рассказы о походе 1812-го и 1813-го годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения». Автор в 17 лет добровольцем вступил в Петербургское ополчение, отважно сражался в кампаниях 1812–1813 гг. вплоть до расформирования ополчения, участвовал в длительной осаде Данцига, получил 10 боевых ранений и в своей книге живо, непосредственно и точно передал впечатления рядового участника событий. «Рассказы», конечно, не лишены официозного налета, но они не в меньшей степени (если учитывать жанровое своеобразие художественной аргументации в романистике) адекватны в изображении трагических событий эпохи. Не случайно мемуары Р.М. Зотова попали в поле зрения А.С. Пушкина и имелись в его личной библиотеке [5, с. 18]. Более того, еще в первом томе «Современника» в редакционном примечании сказано, что вышеупомянутая книга в числе прочих «будет впоследствии разобрана» [7, с. 296]. Возможно, рецензентом выступил бы сам издатель. Однако этот замысел остался из-за трагической гибели поэта неосуществленным.

Таким образом, для романа «Два брата» характерно сочетание историзма и авантюрности. Характерной приметой последнего является соотношение «нормы» и ее «нарушения» в структуре произведения как целого: в хронотопе (образ чужого мира), сюжете и фабуле (роль случая и трактовка необходимости). В итоге двоемирие (свой мир – чужой), присущее авантюрному повествованию, сводится к противостоянию жизни и смерти, а идея испытания героя заменена идеей его становления (развития). В этом случае произведение выходит за рамки элементарного беллетристического чтива. Р.М. Зотов ставит перед собой задачу формирования и воспитания массовой читательской аудитории, что ему вполне удалось.

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1953. Т. IV.
2. Вышкин А.Л. Поэтика романов А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять» : автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2009.
3. Зотов Р.М. Два брата, или Москва в 1812 году // Собрание сочинений: в 5 т. М., 1996. Т. 2. С. 297–570.
4. Литвиненко Н.А. Французский исторический роман первой половины XIX века: эволюция жанра : дис. … д-ра филол. наук. М., 2000.
5. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Приложение к репринтному изданию. М., 1988.
6. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов В.Я. Проппа. М., 1998.
7. Современник. 1836. Т. I.

Peculiarity of historicism of the novel by R.M. Zotov "Two Brothers, or Moscow in 1812"

There are considered the peculiarities of fiction historicism of the novel by R.M. Zotov. There is concluded that the combination of historicism and adventurism is characteristic for this work.

Key words: *historical fiction, historicism, adventure historical novel.*